

Зов судьбы

Лорен Л. Коулмен

Таркад, 2721 год

Скидывая ноги с кушетки и цепляясь за стену по соседству, Алек слышал, как Михель Штайнер спорит с медсестрой. Палата тошнотворно дергалась и качалась вокруг него. Сражаясь с подступившей тошнотой, он кое-как выпрямился, ему не хотелось, чтобы друг видел его тут валяющимся пластом, словно калека. Жалость – это то, чего он никогда не видел во взгляде Михеля, и уж точно видать не желал.

Университетский медпункт весь пропах хлоркой и кровью. Хлорка была делом обычным, кровь была его. Сестра-дракон отчистила всё более-менее неплохо, не считая нескольких засохших пятен на передке тёплой рубахи и пропитавшихся кровью марлевых тампонов в каждой ноздре. Удивительно, что он вообще мог что-то чують носом.

Шаги в коридоре по ту сторону двери принялись приближаться. Грустный голос Михеля донесся снаружи.

– Если он пальцем не укажет конкретно на кого-нибудь, никто не сможет ничего с этим поделать.

– Бойтся? – осведомилась медсестра.

Мягкий смех.

– Вы плохо знаете Алека. Его не запугаешь. Просто в следующий раз эти парни могут взяться за дело всерьёз.

Ему потребовалось несколько секунд на то, чтобы отдёргнуть белую занавесь, отделявшую кушетку от остальной комнаты. Аккуратно он перенёс вес на непослушные ноги, и судорожно вздохнул под протест пострадавших ребер. Раскатав правый рукав поверх стягивающих руку бинтов, он застегнул пуговку манжеты. На это потребовалось три попытки. Затем он кое-как пригладил волосы, маскируя цветущий на виске синяк. С хромотой, как впрочем, и с разбитым лицом, он не мог ничего поделать.

– Так что тут у нас? – осведомился Михель, проходя в дверь. Свободной ладонью он поглаживал аккуратно подровненный клинышек бородки. Ряд седых нитей просвечивал сквозь неё, но не так чтобы много для мужчины сорока пяти лет. Штайнеры неплохо сохранялись для своего возраста, если не сидели на троне Лиранского Содружества. Если повезет, Михель Штайнер II никогда не изведает этого бремени. Джонатан, старший его брат, стал архонтом, что позволило Михелю вернуться в Таркадский университет ассистентом, а вскоре и вести эксцентричную жизнь профессора-знаменитости.

Станный друг для двадцатилетнего Алека, но друг тем не менее.

– Спасибо, что пришел, Михель, – Алек заковылял вперед, стараясь

не выпячивать распухшее правое колено. – Давай уберёмся отсюда поскорей, хорошо?

– Стоять, *вундеркинд*.

Алек ненавидел, когда тот звал его ребенком. Разница в возрасте не имела никакого значения, кроме случаев, когда Михель специально указывал на неё.

– Чтобы вытащить тебя отсюда, я должен поставить свою подпись, раз уж ты не сам обратился в госпиталь. Университет дорожит своей репутацией. Так что никуда ты не пойдешь, пока я буду не удовлетворен. – Наклонившись, он принялся изучать лицо молодого человека вплотную. – Я¹, полагаю, со временем расцветет просто дивно.

Алека не волновало, что у него там под глазами. Глаза ему подбивали и раньше. Да и потом тоже не раз подобыют, наверняка.

Он уставился мимо Михеля на сестру-дракона. Цинтия Дурген, бой-баба та ещё, смотрела со все тем же отвращением, с которым она принимала его приволоченным студентами после очередной стычки. Алек знал, что её отвращение нацелено не на него, а скорее на политику «не задавай лишних вопросов», практикуемую Таркадским университетом в подобного рода делах. И то, что он притворялся, что не знает, кто именно его избил, не помогало.

– Михель меня выписал? – спросил он, прямо переходя к делу. Лиранцы уважали решительность и краткость. Медсестра неохотно кивнула. – Тогда я пошел. Большое спасибо за помощь.

Михель пристроился следом, стоило Алеку заковылять по коридору и затем на выход, прямиком в морозное таркадское утро. Зима всё так же душила снегами запаздывающую весну. Небо безмятежного бледно-голубого оттенка, изморозь, покрывающая парки, за исключением зданий, составлявшие собой кампус.

– Выглядишь ты ужасно, – заметил Михель, помогая ему спуститься по ступеням. – С чего ты вообще позволил им сделать с тобой такое?

– Нет, весь я не умру, – процитировал Алек. И передёрнулся, его утепленную куртку нападавшие забрали с собой, – душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья убежит.

– Опять Пушкин. Его тоже постоянно били, когда он был в твоём возрасте?

Поклонение через мазохизм? Вряд ли.

– Это совсем о другом, Михель.

– Да знаю я, о чем это, – отозвался Михель, удерживая его за плечо. – Ты молод и талантлив, и они ненавидят тебя за это. – Он отпустил его. – Алек, они тебя ненавидят. И все они избалованные маменькины сынки, считающие, что им с рук всё сойдет. Или, что папочкины большие деньжищи помогут им выпутаться, когда не получится с первым.

Уставившись в сторону кампуса, Алек пытался не встретиться взгля-

¹ Да (нем.)

дами с Михелем. Опаздывающие на занятия торопились мимо них, с руками глубоко в карманах и облачками пара, образовываемыми дыханием. Один из них, впрочем, помедлил, как раз чтобы нацепить пластиковую рекламу на ствол громадной сосны.

– А разве они не правы? – тихо спросил он. – Это ваш мир, Михель. Я здесь только гость.

Михель покачал головой.

– Тогда у некоторых студентов-лиранцев довольно странные способы выражать свое гостеприимство.

– Они кадеты Звёздной Лиги. Вся Внутренняя Сфера теперь принадлежит им. – Это был максимум, насколько точно он мог поименовать нападавших. Алек подозревал, что Михелю, разумеется, отлично известно, кто они именно, но Алек не станет обременять друга твердыми подтверждениями данного знания. Это его выбор. И его синяки.

– Они должны быть профессионалами. И ты мог бы оказать большую услугу и Звёздной Лиге и Содружеству, позволив им испытать на себе последствия своих выборов. «Чутьочка чувства долга, капелька веры нетленной, немного почтения к законам, нами же сотворенным» – лорд Теннисон ничуть не хуже любого мертвого русского поэта.

Этим утром у Алека должны были быть занятия, и ему стоило бы идти.

– Каждый хочет изменить мир, – процитировал он Толстого, и махнул рукой Михелю, направляясь прочь, – но не каждый хочет изменить с себя.

– А ты уверен, что справишься? – окрикнул его Михель.

В ответ, не оглядываясь, Алек взметнул ввысь сжатый кулак.

Но если он думал спрятаться за напускной бравадой, это у него плохо вышло. Захватив из общежития планшет и запасную куртку, он заторопился было на занятия, но тут одолевающая его тошнота внезапно усилилась. Последний лестничный пролет, ведущий к аудитории, заплыл у него перед глазами, и он едва не потерял сознание.

Он чувствовал себя измотанным до жути, но если он пропустит лекцию по политологии, они поймут, что смогли достать его. Не для того он терпел два года их «особого внимания», чтобы сдать сейчас, когда выпуск уже совсем близок. Элиас Лувон со своими друзьями плохо ещё знают его решимость, но они узнают. Может быть, это поможет им стать лучшими солдатами.

Элиас сидел неподалеку от двери, когда Алек проскользнул в неё, и ухмылка его увяла, стоило ему в ответ увидеть бесстрастный взгляд Алека, и ни следа поражения в нем. Элиас Лувон был силен, статен, красив, и страдал от чрезмерно раздутого самомнения по поводу своего положения в Таркадском университете. Может он и лучший кадет-мехвоин Нагельринга этого года, благодаря предоставленным университетом местам, выкупленных Звёздной Лигой, но по предметам он

«плавал». Будь дело только в знаниях, провалил бы и политологию, но данный предмет считался обязательным для сынов знатных родов, и недавние пожертвования отца Элиаса университету гарантировали ему достаточный для прохождения балл.

Алек упорно двигался вперёд, попутно едва избежав запинки об ногу, преднамеренно выставленную в проход. Двумя рядами ниже он вцепился в парту, передохнуть, с вселенной вокруг него, сузившейся до глухого туннеля, ведущего к пустому месту рядом с Габриэлой Бэйли. Она была в каких-то двух рядах от него, но для него это было так ужасно далеко...

– Эй, Алек? – Один из студентов, тоже ходит на эти лекции. Брайан? Тоже на год старше. Алек держался за его стол. Были ли они друзьями? – С тобой всё в порядке?

– Нет, весь я не умру, – отозвался он. Помотав головой, чтобы прочистить мозги, он оттолкнулся и кое-как умудрился спуститься на следующие два уровня. Теперь он стоял рядом с партой Габриэлы, качаясь, пытаясь заставить зрение вновь заработать. Внизу на подиуме профессор Клеппингер нудил насчет проблем с наследованием у Дэвионов, обдумывавшимися первым лордом Камероном. Получит ли дом Кури-та возможность зацапать трон Дэвионов? Этого не мог сказать никто.

Но Алек ещё не стал прахом, он это точно знал. Душа... переживает...

– Хочешь сесть? – спросила Габриэла, показывая на свободное место рядом с нею. Она подняла взгляд на Алека и её глаза расширились. Потрясающе карие с зелеными крапинками, и как он раньше этого не замечал? Каштановые волосы, лежащие ровно. И голос, звонкий, словно лира...

– Душа в заветной лире... – прошептал он.

Габриэла выглядела встревоженной. Она начала было вставать, и это было последнее, что Алек увидел. Стоило аудитории закружиться вокруг него, как он, крепко зажмурившись, вцепился в последнюю связную мысль, словно та была единственным его спасением.

– Михель?... – прошептал он.

И обратился в прах.

Три дня в госпитале под наблюдением врачей, и больше дюжины анализов, включая томографию и жутко сложную электроэнцефалограмму. Заодно и вполне достаточно времени для того, чтобы два разных доктора наук, Михель Штайнер и декан Таркадского университета смогли навестить его, чтобы узнать, что с ним не так.

– Субарахноидальное кровоизлияние, – сообщил ему доктор, прежде чем быть вызванным куда-то ещё.

Алек претерпел полный набор подробностей, когда Михель заявился, чтобы разъяснить ему, что у него была внутричерепная гематома,

давившая на мозг, но теперь с ним всё будет в порядке. Позднее декан Каравел Альбрехт несколько нервно пообещал ему то же самое, по ходу одновременно пытаясь убедить в этом себя самого. Он также незначай поинтересовался, не сделал ли это с ним кто из его студентов. Алек лишь пожал плечами.

– А это так важно? – он засунул в рот ещё ложечку фруктового льда, чтобы избавиться от мерзкого послевкусия медикаментов.

– Конечно, – уверил его декан Альбрехт. – Это же противозаконно.

– Это как посмотреть, – объявил Алек, продолжая орудовать ложечкой. – Если закон осуждает и карает лишь поступки, лежащие в предопределенных и четких границах, узаконивает ли этим, в своем роде, он схожие поступки, лежащие вне этих границ? – Даже в вольном переложении декан должен был бы узнать Толстого.

Но не узнал.

– Законы Содружества никогда не позволят подобного.

– А новая библиотека медицинского факультета никогда не окупит тройки с минусом по политологии, – согласился Алек с напускным дружелюбием.

Декан торопливо извинился, и вскоре покинул палату, вне всякого сомнения, гадая, и что это Алек нес. И хорошо, что покинул, поскольку его не было, когда Михель вернулся, протаскивая тайком толстую книгу верлибра и пряную скайскую пиццу – хотя особых усилий от него это и не потребовало. Кто откажет брату архонта?

– Не переживай, Пушкин, – объявил Михель, – они решили не сверлить дырку у тебя в голове. Гематома рассосется сама, и тебя выпишут. И всё с этим.

Если всё, то зачем столько анализов? Оценка общего физического состояния? Проверка скорости рефлексов? Что они хотят выявить?

Он узнал об этом на следующий день, когда Михель появился вновь, в это раз сопровождаемый полковником Звёздной Лиги и старшим кадетом Лувоном. Полковник был при полном параде – в оливковой униформе, с поясом Нагельринга и церемониальным мечом. Элиас Лувон был в кадетской форме, и скривившимся, как будто лимон прожевал. Алек тут же насторожился.

Михель представил офицера как полковника Баумгартена из одиннадцатого королевского дивизиона боевых мехов, в данный момент служащего начальником академии Звёздной Лиги Нагельринг.

– Физически ты в отличной форме, – объявил полковник Баумгартен, внимательно изучив экран электронного планшета. Маленькое устройство казалось на диво хрупким в его огромных ручищах.

– Здорово, – буркнул Алек с кривой усмешкой.

– Тут сказано, ты перенес операцию на сердце. Оправился полностью?

Он глянул на Михеля, но помощи от него не дождался. Бледный

шрам поперек груди должно быть встревожил докторов. Скорее всего, кто-то из них дорылся вплоть до его медицинской карты на Терре.

– Да, когда мне было три, – сознался он. – Отняло кучу времени, как мне сказали. Но теперь я в порядке.

– Отлично. Превосходно. В конец концов, у нас жёсткие требования к потенциальным кадетам. Нагельринг не просто какая-то там военная школа. Должен сказать, твои оценки и результаты теста на пригодность к военной службе говорят о многом.

И тут наконец до Алека дошло, что полковник Баумгартен, и Элиас Лувон явились, чтобы предложить ему поступить в престижнейшую академию Нагельринг.

Его, и в кадеты сил обороны Звёздной Лиги?

– Это шутка такая, да?

Михель покачал головой, но ответил ему полковник.

– Нет, сынок. Не шутка. Когда местный персонал проверял тебя после травмы мозга, после того как ты поскользнулся и упал, они обнаружили у тебя превосходно развитую мышечную моторику. Они сообщили твои результаты нам, и мы заказали им дополнительные анализы, через которые тебя и прогнали. Твоя нервная система чрезвычайно чутка – идеально для кандидата в мехвоины.

В мехвоины! Алек обмяк в постели. Предложение настолько выбило его из колеи, что ему потребовалось время, чтобы осознать намек полковника. «Поскользнулся и упал», новый эвфемизм университета для жестокого избиения, дарованный ему деканом Альбрехтом, и, вероятно, очередным щедрым даром от лорда Лувона, отца Элиаса.

– Нет, – резко сказал Алек.

Элиас расцвел и заблестел глазами. А полковник словно получил удар в живот, чувство, хорошо Алеку знакомое.

– Сынок, ты... ты не хочешь подумать над этими немного? В конце концов, мы не каждый день раскатываем перед кандидатами красную ковровую дорожку.

Последняя красная дорожка Алека была образована его же кровью. А теперь им хотелось, чтобы он к ним зачислился?

– Я ценю вашу доброту, полковник Баумгартен, и бесконечно признателен воинам сил обороны Звёздной Лиги. – Лувон побагровел, явно уловив скрытый подтекст. – Но не думаю, что из меня выйдет достойное пополнение её рядов.

– По нашим данным, всё вряд ли так плохо. Здесь сказано, что твои родители ветераны СОЗЛ. Твой отец был пехотинцем. Отличный послужной список. Твоя мать поднялась до старшины в военной администрации. Думаю, они будут рады увидеть, что сын идет по их стопам.

– Но, полковник, – в голосе Алека читалась напряженность, – мои родители уже одобрили мой выбор. Я здесь, чтобы изучать историю и политологию и получить диплом Звёздной Лиги, и честно говоря,

вполне этим доволен. Образование это тоже оружие, полковник, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить. Так сказал Иосиф Сталин.

Баумгартен побагровел.

– Да будет тебе известно, молодой человек, что приличная военная служба...

Но тут Михель его перебил.

– Ну-ну, полковник, не надо спорить. Как только Алек принимается цитировать мёртвых русских, вы оказываетесь на его поле.

Даже офицер Звёздной Лиги не мог не прислушаться к брату архонта. А тут уже тащил военного к выходу.

– Пускай мальчик подумает, в конце концов, неделя у него выдалась не из легких... – и голос его затерялся в коридорах.

Мальчик. Про себя Алек поблагодарил Михеля за столь милое описание, и откинулся на тощую больничную подушку, прежде чем осознал, что кадет Лувон не последовал за другими.

– Что, думаешь, слишком для нас хорош? – фыркнул Лувон.

Алек снова сел, и потянулся за чашкой с тающими в ней льдинками.

Он поболтал содержимое.

– Надеюсь, ты не станешь притворяться, что действительно желал, чтобы я согласился? – И отпил немного, щекой отодвинув ложечку. – Если станешь, то я в тебе сильно разочаруюсь.

– Какое мне дело до того, что ты там думаешь, *терранец*?! Только оттого, что твои «Королевские» дивизионы считают, что правят Звёздной Лигой?

Отпрыск благородной семьи опять нарывался на драку, и Алек не хотел предоставлять ему ещё поводов.

– Скажем так, это не то, чего я хочу, Элиас. И покончим с этим.

– Думаешь, такому умнику как ты нам нечего предложить, да?

Алеку стоило бы просто промолчать, но...

– Конечно, нет, – и, прежде чем он успел подумать, что говорит, – в конце концов, погляди, что они сделали из тебя...

Мелочность, отчасти кроющаяся внутри него, восприняла перекошенное лицо Элиаса с большим удовольствием. Небольшая ремарка и такой эффект, но, увы, вряд ли это можно было назвать честным поединком. Лувона учили сражаться оружием, Алека – словами.

С выправкой, словно шомпол сожрал, Элиас крутнулся вокруг, и умаршировал на выход, чтобы присоединиться к своему командиру. Михель разминулс с ним на выходе.

– Мне стоит интересоваться тем, что между вами обоими было, пока я провожал нашего милого полковника к приемной? – осведомился он, входя внутрь.

– Просто разошлись во мнениях.

Михель скривился, и Алек тут же вспомнил, что именно этими же словами он объяснил свой первый комплект синяков прошлого года, сразу же после того, как перевелся.

– Ничего такого.

– Последнее твоё «ничего такого» отправило тебя в госпиталь, – напомнил Михель.

– Ты думаешь, я не подумал, как следует над их предложением.

Михель Штайнер потер ладонью бородку, словно проверяя четкость подбритых краев. – Я знаю, Алек, что ты подумал над ним, но, тем не менее, гадаю, был ли ты с ними честен.

– Не можешь побить, присоединись?

– Пушкин, – отозвался Михель, словно Алек опять кого-то цитировал. Оба ухмыльнулись, и капелька хмурости исчезла.

– Нет, Алек, серьёзно, их предложение имеет свои преимущества, как для Лиги, так и для тебя. Как минимум более суровые правила армейской организации, защищающие своих.

Всё, что нужно знать, рано или поздно найдется в Толстом.

– Михель, один русский однажды сказал «терпение и время, вот мои чудо-богатыри», – Алек откинулся назад, истощение готово было поглотить его целиком. – И оба они на моей стороне.

Но вспомнив выражение лица Элиаса и неожиданно холодное поведение, Алек задумался, так ли оно на само деле.

Алек сидел на мерзлой земле, защищенный тёплым одеянием от подтаивающего снега, прислонившись спиной к толстому кедру. Пластиковый листок, призывавший студентов принять участие в проскайской демонстрации, защищал его ничем не покрытую голову от покрытой рваными трещинами коры дерева. Одно из самых любимых его мест, кстати. Находящееся перед главным административным зданием оно было ценно тем, что мало кто осмеливался там его побеспокоить. Именно то, что ему и нужно, в данный момент.

Выдыхаемый пар замерзал чуть ли прямо на губах, и он выпустил из себя раздражение долгим, клубящимся туманным облачком выдохом. Испытываемое им напряжение скрутило мышцы на спине узлом. В левом ухе всё так же звенело от мощного удара клюшкой от лакросса, а костяш-

ки, разбитые об дверь на пути от общежития, саднили, сочась кровью.

Так ему и надо за то, что позволил мучителям достать его.

Да, он ожидал, что Элиас Лувон и его кадеты-подпевалы окрысятся на него, но был ошарашен не на шутку, увидав сколь быстро к ним присоединились и остальные студенты, стоило распространиться новости, что он отверг возможность поступления в Нагельринг.

– Считает, что слишком хорош для не терранской академии, – объявил на весь кампус Элиас.

Что за глупости. В конце концов, учился же Алек в не терранском университете, разве нет? Но его несло по избранному пути, а число коряг и камней на нем все увеличивалось. Студенты в общежитии принялись, проходя мимо, пинать дверь его комнаты, делая любые попытки готовиться к предстоящим экзаменам невозможными. В итоге, схватив свои конспекты и диски, он сбежал наружу, чтобы хотя бы несколько часов передохнуть.

С планшетом, завернутым в несколько слоев одежды, и упрятанным поглубже в рюкзак, Алек размотал шнуры и сунул наушники в уши. Музыка заполнила слух низкими обертонами альта и тихим, причудливым напевом флейты. Затем мелодия ушла на задний план, и монотонный голос профессора Клеппингера принялся разжевывать последний провал политики Терры. Его собственное изобретение – тихая ненавязчивая музыка помогает сосредоточиться, позволяя прослушивать лекции по политологии снова и снова.

В этом месяце политические дразги зациклились на двух прыжковых судах, перехваченных и уничтоженных новенькой системой космической обороны Терранской Гегемонии. По всем показателям, проблема крылась в кодах их ответчиков «свой-чужой». Алек не без волнения прослушивал лекцию уже в третий раз. Его родители должны были отбыть с Терры примерно в это же время, собираясь прибыть на Таркад пораньше. Конечно, СКО не должна была связываться с отбывающими судами, но доверять этим новым технологиям явно не стоило.

Несколько глав домов уже огласили свою позицию относительно катастрофы. Ляо и Дэвион изрекали, довольно громогласно, что защитная система небезопасна и ее преждевременное развертывание является преступлением, как против здравого смысла, так и давно выработанных ограничений. Такиро Курита действовал с более дальним прицелом, ненавязчиво интересуясь, а не будет ли новая технология доступна армиям великих домов. Все трое изо всех сил раскачивали лодку публичного мнения.

– Разумеется, – продолжал нудить Клеппингер, – маловероятно, что даже подобная этой трагедия, породит что-то большее, чем дебаты внутри различных домов. Увы, таковы последствия абсолютной власти, которой невозбранно наслаждается первый лорд Камерон.

– Абсолютной власти нет... – прошептал Алек, прикрывая глаза, –

Есть лишь абсолютная коррупция.

Хоть это был парафраз мыслителя лорда Эктона из девятнадцатого столетия, он счел мысль достаточно удачной для того, чтобы начать ею свой анализ ситуации, и принялся оформлять свои мысли в связный текст. Михель уязвил бы его за использование нерусского источника цитирования, но Алек всё-таки изучал английский, равно как и французский, а сейчас к тому же быстро совершенствовал свой немецкий.

Музыка в наушниках перешла к третьей композиции, а Алек в уме ко второй странице заметок. Он не мог сказать точно, как заметил, что уже не один – по тени, упавшей на смеженные веки или по хрусту наста под неловкой поступью, всё, что он мог сказать – это кто-то внезапно навис над ним, и Алек резко дернулся.

Габриэла Бэйли стояла рядом с ним, в подбитой мехом куртке, брюках в складку и теплых ботинках. Карий взгляд отразил чуточку неуверенности.

– Мне не хотелось тебя пугать... – начала она.

...Вообще-то Клеппингер предупреждал группу, чтобы те не шли на поводу у анализа, предлагаемого агентствами новостей...

Приняв позу поприличнее, Алек торопливо пригладил соломенные волосы, спадавшие на лоб.

– Нет-нет, – отозвался он. – То есть, всё в порядке, ничего.

Кивнув, Габриэла села в снег рядом с ним, упираясь в землю коленями и носками ботинок, сев на лодыжки. Сегодня её волосы были зачесаны за уши, неокожаные перчатки защищали руки от холода.

– Ну и место ты себе подобрал... Что, решил отдохнуть от зубрежки?

– С чего ты взяла, что я не готовлюсь?

Габриэла заухмылялась.

– По блаженной улыбке на лице. Сомневаюсь, что кто-то станет улыбаться, слушая лекцию; даже для тебя Алек, это чересчур.

По всем показателям это было длиннейшей фразой из когда-либо сказанных ему ею за один присест. Алек однозначно не желал сейчас с нею спорить, но...

– Держи, – предложил он, вытаскивая из уха правый наушник, и вытянув из рюкзака провод, протянул его ей. – Послушай.

Скорее из вежливости, чем из любопытства, Габриэла приложила его к уху, и волшебным образом округлила глаза.

– Клеппингер и Вольфганг Амадей?

– Улисс Розз. Композитор двадцать шестого века, но да, он посвятил это своё произведение Моцарту. Я сам составил подборку.

Засмеявшись, она вернула ему наушник.

– Ну ты даешь...

Алек пожал плечами и осторожно вынул левый наушник, и набрав в грудь колючего воздуха, торопливо зачихнул оба в рюкзак.

– Иногда я слушаю его часами, помогает... что такое?

Наклонив голову вбок, она изучала его взглядом.

– Твоё ухо.

– Моё что? О... Ну да. Что, уже полиловело?

Та кивнула, и неловко огляделась по сторонам. Алек пытался сохранять голос непринужденным, хотя воспоминания о клюшке, хлестнувшей его в коридоре, попутно впечатав в стену, не делали эту задачу легкой. – Да не так уж и страшно.

– Алек, ты хоть раз из драки победителем выходил? – Габриэла тоже старалась сделать вид, что всё в порядке.

– В драках победителей не бывает.

– Это тоже сказал кто-то из этих твоих мертвых русских? – даже ей была известна страсть Алека к цитатам, хотя он и сомневался, что ей так уж много о нем известно.

– Нет. В этот раз живой. Я.

Это вновь вернуло улыбку на её лицо.

– Знаешь... ты очень непростой человек. Ну, для такого прямого парня как ты.

Алек пожал плечами.

– Ну, это мой отец во всем виноват, – сказал он, и Габриэла вопросительно на него посмотрела. – Когда я был маленьким, у меня... были проблемы со здоровьем, и он водил меня по музеям Москвы. У России очень... – он замялся, подыскивая подходящее слово, – ...сложная судьба. Тоталитаризм, всеобщее притеснение, а потом революции. Но чем больше страданий претерпевали люди, тем ярче становились выражены их черты. Прошло семьсот лет – но их всё ещё видно. Вот это наследие...

Габриэла закивала.

– Он, должно быть, интересный человек. Хотелось бы мне с ним встретиться...

– А он здесь будет, – отозвался Алек. – Он с моей матерью летят на Таркад. Они проведут отпуск неподалеку, а потом заедут на мой выпуск. Возможно, там ты с ним встретишься.

– Возможно.

Никто из них, похоже, не знал, что сказать друг другу дальше. Неловкое молчание так и тянулось, пока истончившись, не разорвалось пополам, словно тянучка.

– Ну ладно, – сказала Габриэла, вставая с колен. – Я просто хотела сказать, что рада, что с тобой все в порядке. После того, как ты упал прямо на лекции, на прошлой неделе... – Она не договорила, принявшись стряхивать налипший снег с колен. Затем, словно невзначай, она спросила: – А ты придешь на Весенний Прием?

Старая университетская традиция – бал, устраивавшийся кадетами Нагельринга. Сам архонт Штайнер появится там. Главное событие светской жизни года.

– Не знаю, – буркнул Алек. Элиас Лувон с его друзьями наверняка

все будут там. – А ты?

– Я ещё думаю над этим.

Алек заморгал.

– Хочешь сказать, тебя ещё никто не пригласил?

Та лишь рассмеялась:

– Ну конечно, приглашали, но я сказала... ну, неважно, что я сказала, просто я подумала, что... – Габриэла рассмеялась вновь, в этой раз тише, словно для себя самой. – А, к черту. Алек, я надеялась, ты там будешь. Со мной. Вместе.

Жар волной затопил его до корней волос, и Алек торопливо принялся подниматься на ноги. Он уже не чувствовал саднящего уха, гораздо более его беспокоило пересохшее горло и одеревеневший язык.

– Я бы... я... я... буду очень рад сопроводить вас на бал, – наконец по всем правилам отозвался он.

– А я... не устрою этим тебе никаких проблем?

– Да нет. С чего это?

Она помотала головой.

– Неважно.

Но в её глазах цвета спелого ореха по-прежнему плескалось беспокойство.

– Я забыла, что ты не в курсе обо всех этих сплетнях. Ладно, – она дернула плечом, – всё будет хорошо. Итак, помни, ты согласился. Ну, не буду больше тебе мешать, поговорим потом, хорошо?

Алек вполне мог удовлетвориться и этим, и без того его мозги были перегружены произошедшим. Мог выяснить всё потом, тайком, исподволь, но язык сработал быстрее мозгов, и, поймав Габриэлу на полуразвороте, он выпалил:

– А кто ещё тебя приглашал?

Но он уже знал её ответ. Просто знал.

Габриэла опустила глаза.

– Элиас Лувон.

И затем, не говоря ни слова, скрылась, оставив его позади, стоящим под высоким вечнозеленым деревом, напоминающим себе снова и снова о ценности сдержанности.

Михель Штайнер был гораздо менее оптимистичен, особенно узнав о происшедшем из сплетен работников университета. В послании Алеку было предложено присоединиться к нему за ужином – не приказ, конечно, но у Алека на Таркаде было не так уж много друзей, чтобы разбрасываться отказами.

И вот теперь он сидел на табурете в рабочей библиотеке Михеля, засунув ноги под табурет, наблюдая как друг расхаживает по узенькому проходу между полками и рабочей станцией. На покрытом стеклом

столе валялась забытая книга со страницами, придавленными уникальными информационными кристаллами, разработанной университетом в сотрудничестве с одной из корпораций Лиранского Содружества, технологией, что в будущем заменит диски по всей Внутренней Сфере, как заявлял Михель. Кристаллы лежали рассортированными по цвету, а возможно, и по содержанию.

Всё было забыто, стоило брату архонта пронзить Алека свирепым взором.

– Тебе, что, нравится потреблять пищу через соломинку? – осведомился он, багровея даже под тщательно расчесанной бородкой.

Алек потер подбородок, массируя расцветавший желтым синяк, коим он обзавелся этим утром. Велосипедиста он засек, но не его локоть.

– Я потерял бдительность.

– Я. И не только её. – Михель подергал за накрахмаленные манжеты, вытаскивая их из рукавов пиджака. – Настолько потерял рассудок, что даже принялся болтать с Габриэлой Бэйли.

– Ну, не думаю, что всё так уж плохо...

– Всё ещё хуже, Алек. Элиас Лувон пригласил ее на бал, а она отшила его. И если ты думаешь, что как только слово дойдет до Лувона, кадетам Нагельринга будет на это плевать, то ты глубоко заблуждаешься. Для изучающего историю и политологию ты на диво близорук. Ты что, даже и не знал об этом?

– Почему маленькие дети столь сообразительны, а взрослые – столь глупы? – осведомился в ответ Алек. Глянув на профессора, он ухмыльнулся. – Должно быть образование тому виной.

Михель застыл, лицо окаменело, серые глаза сузились до узких щелок, но затем он просто больше не мог сдерживаться. Улыбка встопорщила его бородку, а вырвавшийся на волю смешок вскоре перерос в настоящий смех.

– Сначала английские лорды, а теперь французские писатели. Алек, если так пойдёт и дальше, ты безвозвратно испортишь репутацию.

– Не волнуйся. У меня ещё не все мертвые русские вышли.

Встав над ним, Михель положил руку ему на плечо.

– Но, пожалуйста, постарайся сам не стать одним из них, *гум*²? – Алек кивнул, и Михель воспринял это как согласие. – *Зо*³, твои родители уже спускаются на планету?

Алек улыбнулся.

– Не раньше, чем завтра, и у меня ещё три экзамена, прежде чем они прилетят. – Алек глянул на часы. – В том числе и третья часть четырехдневной мини-серии Клеппингера. Мне пора бежать.

– Ещё как минимум сорок минут до того, как Уэлдон начнет свой...

² Хорошо (нем.).

³ Так (нем.).

э-э... а, ладно, *либескранк*⁴, я? Что, надеешься занять пустое место рядом со своей спутницей на балу? – Михель вздохнул. – Хорошо, беги. Но не забывай почаще оглядываться, и если Габриэла оденет сегодня что-нибудь миленькое, не забудь похвалить её обувь.

– Обувь?

Оторвав от табурина, Михель толкнул его к двери:

– Я начинаю соглашаться с полковником Баумгартеном, мы учим тебя не тому, чему надо. Или, по крайней мере, не в полном объеме.

Алек пошлепал к двери, по дороге ухватив свой рюкзак со столика у входа.

– Да чему мне учиться у Баумгартена?

– Если ты действительно веришь в это, то, вне всякого сомнения, прав. «Ограниченный человек не ошибается никогда, но и не учится ничему», Трациал Штайнер.

– Эй, цитаты из родственников это нечестно! – объявил Алек, но тут его выпихнули в коридор. Хорошо, он позволит Михелю одержать над ним верх в это раз. Прерогатива бытия частью правящего дома – хоть иногда, да выигрываешь.

А правду нелегко опровергнуть.

Мысль об этом угнетала Алека на всем пути до крыла социологических наук, преследовала его, пугая призраками полковника Баумгартена, и комментариями отца, озвученными еще в те времена, когда они исследовали переполненное насилием прошлое Терры в музеях и мемориалах. Был ли он «ограничен», рассматривая предложение Баумгартена? Возможно. Но, с другой стороны, он никогда не ставил силу мышц (ну, или оружия) превыше силы разума.

Те, кто лучше всего годны к обладанию силой, желают её меньше всего. Для Алека это было само собой разумеющееся. Элемент веры. А вера и есть сила, благодаря которой люди живут.

И в то же время, согласно Толстому единственный смысл жизни – служение человечеству. Означало ли это, что Алек должен служить, жертвуя своими интересами? Или просто означало, что он всегда должен помнить, что в долгу перед человечеством, стараясь на благо ему? Он вздохнул. Жернова философии могут перемолоть очень тонко.

«Нет, весь я не умру – душа в заветной лире, мой прах переживёт и тленья убежит»...

Ну, по крайней мере, экзамен по политологии Клеппингера его душа переживёт уж точно. По крайней мере, так Алек тогда думал.

Аудитория пока была заполнена лишь наполовину, и большинство «ранних пташек» торопливо вчитывалось в книги, наладонники или планшеты. Запахи кофе с пряностями, подогретого сидра и нервно-

⁴ Влюбленный (нем.)

сти заполняли зал. Ручки торопливо плясали по бумаге, экранам, хронологии и таблицы повторялись и заучивались вновь, вновь и вновь. Подобного рода лихорадочной активности больше уже не будет вплоть до выпускных экзаменов, хотя и промежуточный результат был ничуть не менее важен – им закладывается фундамент будущей итоговой оценки. Студенты вряд ли смогут улучшить показанный на предварительном экзамене результат более чем на балл, а набранный на нём проходной балл делал делом сложным (хотя и не то, чтобы невозможным) исключение за неуспеваемость.

Габриэла Бэйли уже сидела за партой где-то на полпути от подиума до входа, в этот раз правее, чем она обычно предпочитала, от прохода. Элиас Лувон развалился рядом с нею, развернув стул задом наперед и вцепившись лапами в поддерживающие спинку ножки так, словно те были рукоятями управления. Для сегодняшнего события он напялил на себя полный комплект униформы, включая перчатки и саблю. Несколько по-ханжески, но он не единственный считал, что нарочитая демонстрация всецелой посвященности армии возможно поможет чуток улучшить оценку. Увидев Алека, Габриэла кивнула Элиасу, тут же отступившему со стула назад, даже и не оглядываясь. Алек отодвинулся в сторону, давая ему пройти.

Встав на ступеньках в проходе рядом с ним, Элиас улыбнулся, увидав синяк, пятном выделяющийся на челюсти Алека.

– Я бы пожелал тебе удачи, но вряд ли у тебя будут проблемы с экзаменом. Это же всего лишь Содружество, да? – громогласно, чтобы разделить свое мнение со всем классом.

Челюсть заныла, в первый раз с тех пор, как он покинул кабинет Михеля.

– Содружество или Звёздная Лига это неважно; важно подготовился ты или нет.

– Точно. Гото-овился. Совсем забыл, ты же считаешь нас всех здесь тупыми идиотами, верно?

– Я никогда не говорил подобного. – Алек видел взгляды, направляющиеся в их сторону, некоторые любопытствующие, некоторые враждебные. Ладно. С пикировкой он может управиться. – Я ценю то, что ты избрал трудный путь во благо государства и Звёздной Лиги. Но почему ты считаешь, что избранный мной путь легче твоего?

– Ничто, тобою сказанное или сделанное не бросит пятно на нашу честь! – Элиас уронил ладонь на рукоять сабли, будто собирался ее обнажить на защиту искомой чести. Рюкзак Алека оттягивал плечо, возможно, если он махнет им достаточно сильно... – Терра это ещё не вся Внутренняя Сфера, да будет тебе известно! – и Элиас в гнев замаршировал по ступеням, на свое обычное место на самом верху аудитории.

Сплошное позерство и ни малейшей угрозы, осознал Алек. И Элиас получил шанс оставить последнее слово за собой. Алек рухнул на стул

рядом с Габриэлой.

– Я же никогда этого не говорил, – тихо пожаловался он.

– Почему ты постоянно с ним цапаешься? – спросила она, не отрывая взгляда от янтарного экрана наладонника.

– Это диалог. Возможно, однажды он действительно услышит то, что я ему говорю.

– Я бы так не сказала. Но, раз уж ты здесь, можешь помочь мне. – Она подпихнула к нему ручной компьютер. – Политические нюансы односторонней декларации свобод Периферии, как совместного предложения Капелланской Конфедерации и Лиги Свободных Миров.

Что эффективно отняло все их свободное время вплоть до тех пор, как Клеппингер захлопнул двери аудитории наглухо, а его ассистенты помчались по проходам, раздавая планшеты. Большие зеленые дисплеи будут их единственным посредником в диалоге с экзаменационной программой профессора. Ответы будут пересылаться в главный компьютер для анализа и дальнейшего выставления балла. Алек принялся продираться сквозь страницу за страницей текста, вставляя даты и имена, а, когда требовалось, и свой анализ событий.

Он настолько был поглощен процессом, что даже опустил стилус, стоило сигналу зазвонить в первый раз, приняв его за сигнал, оповещающий о конце экзамена. И лишь потом он осознал, что быть того не может, поскольку он не закончил и половины его.

И снова трели звонка. Как у коммуникатора. В этот раз громче. Алек глянул вбок, на Габриэлу, уставившуюся на него. Студенты на соседних партах тоже все на него смотрели.

– Что за шум? – Клеппингер принялся подниматься от подиума, и обычно монотонный его голос в данный момент демонстрировал толику раздражения. Профессор пригладил редееющие седые волосы. – Алек, отключи свой коммуникатор. Никаких включенных электронных приборов на экзамене, ты же знаешь правила.

– Профессор, у меня нет никакого коммуникатора.

Еще три сигнала явственно прозвучали в аудитории, и Клеппингер нахмурился. – Мне бы хотелось верить, Алек, в то, что твои слова правдивы, но сомнение чересчур велико. Встань, пожалуйста, из-за парты.

Профессор принялся проверять стул Алека, грузно опустившись на колено. Ещё один набор предательских трелей, Клеппингер глянул под парту, потянулся и извлек на всеобщее обозрение тонкий наладонник с магнитным креплением.

Желудок Алека скрутило узлом, стоило ему опознать устройство. Его. Огонек на нем мигнул, и новая трель прорезала воздух.

– Понятно, – кивнул Клеппингер. Лицо его побагровело, составляя разительный контраст с седыми волосами. – И как ты это объяснишь?

Алек открыл было рот, но все слова куда-то внезапно делись.

– Неважно. Прибережём объяснения для декана Альбрехта, хорошо?

– схватив руку Алека в захват, слишком, пожалуй, сильный для пожилого ученого, он направил его вверх по лестнице.

Элиас Лувон буквально светился на своем месте у двери.

– Подготовился, значит? – голос его был слишком уж доволен. И слишком уж громок. – Давно пора было вывести такого так ты на чистую воду.

Никогда в жизни Алек не испытывал такого страстного желания кого-нибудь ударить. Пальцы его сжались в кулаки так сильно, что кончики ногтей болезненно врылись в ладони. Он даже подумывал кинуться через всю парту на Элиаса, уверенный, что праведный гнев одержит верх над военной подготовкой, но Клеппингер уже протащил его мимо и через дверь.

На пороге пожилой профессор встал:

– У остальных ещё есть пятьдесят минут. В час дня экзаменационные планшеты будут собраны ассистентами. – Затем он выступил в коридор, и повел рукой.

– Прошу, – холодно произнес он.

Двери в аудиторию захлопнулись позади, когда он был от них ещё в каких-то нескольких метрах.

Словно гильотина.

Шестью часами спустя после начала разбирательства, Алек узнал на опыте, как себя чувствует казнимый перед расстрелом.

Комната, избранная деканом Альбрехтом, была спартанской и холодной, выкрашенной кем-то решившим, что это неплохая идея, в оливково-зеленый, пропахшая паркетным воском и кремом после бритья. Бледное солнце Таркада заглядывало сквозь единственное имеющееся в комнате окно на стене по левую руку, расположенное так высоко, что выглянуть наружу вряд ли было возможно. В желтоватых солнечных лучах, косо падавших на пол, гонялись друг за другом пылинки.

Алек стоял посреди комнаты за небольшой металлической трибуной, на которой стоял потеющий ледяной влагой графин и одинокий стакан. Лицом к нему восседал «трибунал» в настоящий момент, состоящий из декана Альбрехта и профессора Клеппингера. Михель Штайнер служил Алеку адвокатом, попутно сдерживая процесс в рамках приличия. Обеспечивая себе артподдержку, Михель также притащил с собой полковника Баумгартена, все это время просидевшего в каменном молчании, пронзительным взглядом пригвозждая Алека к стене, не пропуская попутно ни малейшей детали. Позади жюри на жестких стульях сидели его родители, отложившие полет ради поддержки Алека в ходе разбирательства. Отец сидел практически не моргая, взгляд его синих глаз стабильно покоился на сыне, обеспечивая его молчаливой поддержкой. Мама по большей части изучала жюри, похоже, находя

всё это забавным. И ни малейшего сомнения у них обоих по поводу исхода слушания.

Алек был глубоко им признателен за непоколебимую веру в него.

– Ещё вопрос, – объявил Клеппингер, подаваясь вперед на упертых в столешницу локтях. Несмотря на то, что он сидел, каким-то образом он умудрялся смотреть на стоящего Алека сверху вниз. Нешуточное достижение. – Если только вам не нужен перерыв, чтобы придти в себя.

– Спасибо, нет, – отозвался Алек.

Клеппингер нахмурился.

Прочие экзаменаторы являлись, задавали свои вопросы и исчезали удовлетворенными, но профессор Клеппингер, похоже, воспринимал происходящее как оскорбление в свой адрес. Алек всё ещё помнил его изумление и недоверие, когда тому сообщили, что «провинившемуся» студенту позволят вернуться к учебе после тщательной проверки общего уровня знаний. Клеппингеру не потребовалось так уж много времени, чтобы вычислить за происходящим Михеля Штайнера, вступившего за Алека и требующего, чтобы жюри доказало необходимость для Алека жульничать вообще.

– А его собственного компьютера под партой, что, недостаточно? – рявкнул пребывавший в ярости Клеппингер, по словам Михеля. – И как мне сказали, с исключительно его же отпечатками пальцев на нем, к тому же.

Как удобно, что трое основных врагов Алека на территории кампуса в тот день все заявили в белых перчатках, дополняющих парадную форму. Алек не стал «тыкать пальцем» в их сторону, хотя обнаруженный в двери его комнаты в общежитии взломанный замок отчасти говорил в его пользу.

– Ещё один вопрос, требующий как минимум полчаса на ответ? – поинтересовался Михель, глянув на часы, обхватывавшие его запястье. – Профессор, до Весеннего Приема осталось не так уж и много времени, а нам еще стоит к нему подготовиться...

Клеппингер надменно вскинул голову:

– Если светский прием волнует вас больше этичности деяний наших же студентов...

– Да, да, – покивал Михель. – Вы правы. Уверен, архонт поймет нашу задержку.

Михель не стал напоминать жюри о своем родстве с архонтом, те и так отлично это знали. Альбрехт и сам уже впериался взглядом в часы, чего Клеппингер не мог не заметить.

– Отлично, – буркнул преподаватель политологии. – В этот раз я буду краток.

Он оперся ладонями в длинный стол, за которым восседало жюри.

– Как можно меньшим числом слов, Алек, разъясни мне основные причины, кроющиеся за непрекращающимися последние сорок лет

вызовами, бросаемыми ронинами дома Курита чемпионам баз Звёздной Лиги.

Вычленить корни существующих политических затруднений не такое уж легкое дело, и зачастую приводящее к бурным дебатам, а не к всеобщему согласию. Алек, однако, не стал уклоняться от брошенного вызова.

– Война за воссоединение, – объявил он, и в воцарившемся безмолвии отхлебнул воды из стакана. И подождал.

– Я просил тебя *разъяснить* причины, – с немалым отвращением наконец выдал Клеппингер.

Алек поставил стакан на кафедру.

– Когда Майкл Камерон принял титул первого лорда в 2649-м, один из первых вызовов, брошенных ему пришел от Тадео Амариса и Республики Внешних Миров. Амарис принялся расширять свою армию устрашающими темпами. Это побудило первого лорда Майкла принять, помимо всего прочего, эдикт Совета от 2650 года, указывающий для любых, за исключением сил обороны Звёздной Лиги, вооруженных сил предел допустимых размеров. Вынужденное уменьшение домом Курита численности своей армии привело к появлению безработных воинов, или ронинов, как они зовутся. Из недовольства, по приказу свыше или чтобы сохранить честь рода эти ронины и бросают вызовы чемпионам Звёздной Лиги начиная с 2681 года.

– И какое отношение это имеет к войне за воссоединение, окончившейся ещё в 26 веке? – поинтересовался декан Альбрехт.

Алек вновь отхлебнул из стакана.

– Перспектива второй войны за воссоединение вне всяких сомнений и побудила первого лорда Майкла принять решение навязать подобные ограничения.

– Ты хочешь сказать, что тебе ведомы побудительные мотивы, движущие первым лордом? – Клеппингер махнул рукой, отмечая подобную возможность. – Даже учитывая твои познания в психологии, это слишком зыбкие основания для подобных далеко идущих выводов.

– Поводов к причинам и результатам в политической круговерти зачастую легион, и все они расплывчаты, пока не согласишься на них с перспективы историка, – процитировал Алек.

Профессор набычился.

– И кто сказал это?

– Уэлдон Клеппингер, тезисы к докторской диссертации, 2706 год.

Михель Штайнер громко расхохотался, а полковник Баумгартен склонил голову в молчаливом салюте. Алек улыбнулся. «Перчатка» брошена. В стиле, подобающем ученым.

– И всё же, – не сдавался Клеппингер. – В качестве побудительных мотивов ронинов ты вешаешь ярлыки нынешних времен – недовольство, честь.

– И действия по приказу, – напомнил Алек, подымая стакан. – Но я никогда не говорил, что это все беспочвенные ярлыки. Даже приказы, а если они имелись, то должны были передаваться тайными путями, обязаны под собою иметь исторический подтекст. В конце концов все они были детьми и внуками тех, кто служил под началом Леонарда Куриты, едва не развязавшего войну со Звёздной Лигой в 2605-ом.

– «Безумие Леонарда» – кивнул Клеппингер, – умершего от «загадочного недомогания», хотя скорее устранение его было организовано...

– ...Сириан Макаллистер-Курита после ритуального самоубийства сестры Леонарда...

– ...Элейн Куриты, – перебил его Клеппингер. Вот теперь, похоже, профессору было что сказать. – Совершившей ритуальное самоубийство, стыдясь поступков своего брата. Но Леонард был слишком погружен в пьянство и употребление наркотиков, чтобы обратить на это внимание, и с учетом его уровня его паранойи, после...

– Инцидента, произошедшего на Высоком Совете, в котором Леонард попытался атаковать первого лорда брошенной бутылкой, но попал ею в офицера охраны, за чем последовал рефлекторный выстрел, ранивший координатора...

Алек наполнил стакан усталой рукой.

– Так что, можно сказать, вина за вызовы, бросаемые ронинами, лежит на какой-то бутылке.

– И офицера звали... звали... – Клеппингер беспомощно умолк, неспособный это произнести. По глазам его Алек видел, что тот знал ответ, знал, и не желал произносить его.

Оперевшись ладонями об стол, декан Альбрехт поднялся из своего кресла.

– Думаю, этого достаточно, и всё это печальное недоразумение вполне можно списать на очередные студенческие шалости. Не возражаешь, Уэлдон?

Клеппингер хмуро кивнул.

– Алек, со стороны университета выражаю наши глубочайшие извинения. Ты продолжишь учебу, и все отметки об этом инциденте будут обязательно убраны из твоего личного дела.

Алек пожал плечами. Горечь в горле не имела никакого отношения к победе, всё, что его волновало – унылое выражение лица Клеппингера. Может быть и не стоило так открыто его унижать, но Алек испытал немалое удовольствие, делая это, и теперь немного об этом жалел.

– А мой экзамен? Я так его и не закончил...

Клеппингер уже достаточно оправился, чтобы попытаться вернуть себе хоть немного былого достоинства.

– Высший балл, – пообещал он. Похоже, он был не на шутку озадачен, когда Михель Штайнер протянул ему руку и чистосердечно поблагодарил от лица Алека. Почерпнув из этого ещё немного сил для

сохранения лица, он аккуратно покинул комнату.

Вперед устремились родители, горячо обнимая, и трясая его руку, также рассыпаясь благодарностями с его стороны, пока декан Альбрехт общался с Михелем и полковником Баумгартеном.

– Ты молодец, – объявил отец. – Ты сделал, что был должен, об остальном не волнуйся.

Но Алек продолжал волноваться. И родители это знали.

– Ты доказал себя достойным учебы, – напомнила ему мать. – Это главное.

– Именно, – присоединился к ним полковник Баумгартен. – На все сто.

Затем он представился родителям Алека.

– Хотелось бы мне сказать то же самое и от лица сил обороны Звёздной Лиги, но Алек упорно стремится в ученые. Жаль, после учебы в будущем из него бы вышел превосходный офицер.

Отец аж раздулся от гордости.

– Мы ему то же самое не раз говорили, – объявил он, кладя ладонь Алеку на плечо. Тридцать лет уже прошло, как он ушел в отставку, но всё тот же «ёжик» пехотинца и та же идеальная выправка. – И мать и я. Но Алек у нас предпочитает торить свою дорогу. Унаследовал упрямство Трошиных.

Сказав это, он тут же торопливо покосился на мать Алека.

Родители засмеялись, и полковник из вежливости хохотнул. Наконец мать извинилась за себя с мужем.

– Простите, нам пора. Декан Альбрехт дал нам приглашение на сегодняшний вечер, похоже, поработать дуэньями. Алек, если ты не против...

– Ничуть, – крепко обняв их по очереди, он затем смотрел, как они уходят. – Мне тоже, пожалуй, пора идти готовиться... – но он оставался стоять, чувствуя незаданный вопрос полковника.

– Быстро ты «прикончил» профессора Клеппингера в конце, – заметил Баумгартен. – Как только я увидел, что его плечи упали, сразу понял, что ему конец. Но кое-что меня заинтересовало...

– Что именно?

– Как звали офицера охраны, подстрелившего Леонарда Куриту?

Алек немного помолчал. Они стояли уже у самой двери, по противоположную сторону которой их ждал декан Альбрехт, желавший попрощаться с полковником. Кроме того, Алеку не особенно хотелось начинать очередной экскурс в историю.

– Её звали Таня, – наконец сказал он, и выскользнул за дверь. Полковник вполне может выяснить фамилию и сам.

И выяснит, подозревал Алек. Такой как он – выяснит.

По большей части Алек уже привык к взглядам исподволь и шепоткам за спиной, к пальцам, тычущим в его сторону, стоит ему пройти очередную группку студентов в парке или коридорах университета. В уме он их всех отсортировывал на тех, кого стоит поостеречься, тех, кто просто наслаждается мелкими пакостями и нарочитым пренебрежением, и тех, кто просто не хочет идти своим путем и наслаждается жизнью подпевалы. Со временем он обнаружил, что бытие изгоем тоже своего рода признание. Признание того, что он достаточно важен, чтобы кому-то активно не нравиться.

Но появление на Весеннем Приеме с Габриэлой Бэйли под руку привлекло к нему столько внимания, сколь никогда прежде.

Оркестр заполнял большую залу звуками легкой музыки, парочки танцевали на полированных палах его. Медленно дрейфуя по всему залу или носясь от столов с закусками к уже выстроившимся в ожидании архонта рядам, студенты и солдаты образовывали тесные кружки по интересу.

Надежды Алека тихонько просочиться внутрь быстро пошли прахом. Они, казалось, просто притягивали к себе взгляды – ошеломляющая всех юная дебютантка и молчаливый, задумчивый Алек, сопровождающий её. Платье Габриэлы не было очередного банального оттенка синего – цвета, повсеместно ассоциирующегося с домом Штайнер и Лиранским Содружеством, нет, она выбрала струящийся до пола изумрудно-зеленый с металлическим отблеском. Разрез на боку исподволь обнажал инкрустированные самоцветами туфельки и изящную лодыжку. Спинка платья была открытой, без каких-либо лямок и тесемок. Направляясь с нею к танцующим, ладонью Алек касался её обнаженной спины, отчего изнутри его подымалась странная теплая волна. Сам он был в строгом черном костюме.

Приметив, как он то и дело краснеет, Габриэла рассмеялась, но так, что неприятным это ему не показалось.

– Похоже, мы в центре внимания, – шепнула она, когда они кружились в вальсе, наконец, заметив взгляды, на них устремленные.

– Это всё твое платье, – отозвался он, хотя оба они отлично знали, что это не так. Прошедшая неделя Алека и сегодняшняя его победа на разбирательстве жюри университета стала оживленной темой для разговоров.

– Нет, – отозвалась Габриэла, на секунду убрав руку с его плеча, чтобы поправить выбившийся локон. – Твой танец.

Алек отнюдь не был уверен, что она говорила о вальсе.

Они закончили этот танец, затем следующий, после чего двинулись к столам, где гостей ожидали хрустальные бокалы, покоящиеся в горках крошенных льдинок. Алек сумел изыскать два не содержащих алкоголя бокала с искрящимся сидром. Попутно они обменялись взглядами с другими претендентами на них поверх хрустальных ободков.

Женская часть аудитории, похоже, благоволила паре, распределяя одобрительные взгляды или колкости между ними поровну, а большая часть парней либо пялились в их сторону с откровенной завистью, либо пихали своих приятелей локтями, нашептывая им что-то, вызывающее у тех завистливые смешки. Несколько парней бросали мрачные взгляды исподлобья, в основном пребывающие в парадной форме кадетов Звёздной Лиги с синим кушаком Нагельринга, обмотанным вокруг пояса, согласно традиции, с концом, свисавшим вдоль левой ноги. Ладонью они судорожно сжимали рукояти сабель, а злобные взгляды буровили спину Алека.

— Как ты спокойно их переносишь, — заметила Габриэла, прихлебывая из своего бокала. — Я насчитала как минимум дюжину взглядов, тебя испепеляющих, и ни один не желает тебе здоровья, а ты держишься как ни в чем ни бывало.

— А ты бы предпочла, чтобы я бил кулаками в грудь и громко завывал?

Реплика его заставила Габриэлу весело рассмеяться, а ближайшего к ним кадета мрачно нахмуриться, так что Алек понизил голос.

— Ничем не могу им помочь.

— Но разве тебя это не задевает?

Алек отхлебнул немного фруктового напитка, поиграл им на языке, и, наконец позволил ускользнуть ему вниз по пищеводу. И улыбнулся, несколько печально.

— Нет, весь я не умру — душа в заветной лире, мой прах переживёт и тленья убежит.

— Помню, ты уже говорил что-то в этом роде, хотя и не всё. — Она вернула бокал на поднос скользившего мимо официанта. — Ты черпаешь уйму сил из слов, сказанных другими. Как это у тебя выходит?

Алек пожал плечами.

— Полагаю, потому, что «писатели это инженеры человеческих душ». Так я могу влиять на то, каким человеком хочу стать.

Взгляд Габриэлы смягчился и засиял. Губы разошлись в улыбке, обнажившей белые зубы. Подавшись к нему, она затем спохватилась, тихо спросив:

— Прогуляемся немного? — кивнув в сторону одного из концов бальной залы. Большие двери в стеклянной стене выходили в содержащийся в идеальном состоянии дворик, выводивший затем в университетские сады.

Алек сглотнул.

— С удовольствием.

Рука об руку они двинулись вдоль столов, по дороге наткнувшись на Михеля Штайнера и мать Алека, только что покинувших ряды танцующих. Михель наконец получил долгожданную возможность поговорить с Алеком после окончания слушания, так что он вцепился в

Алека, пока Анна Трошина обменивалась с Габриэлой банальностями.

– Отличная была работа, Алек. Старый Уэлдон выглядел так, словно жука проглотил.

Алек принялся переминаться с ноги на ногу, затем появился его отец, и увлек мать к столам. Габриэла глянула на него и ободряюще улыбнулась, и затем также исчезла на минутку, оставив их наедине.

– Мне и вправду стоит тебя поблагодарить, – начал Алек. – Что ты за меня вступился, принудил жюри принять решение в мою пользу... – Обычно дружелюбное лицо Михеля помрачнело. – Что?

– Вообще-то я никого ни к чему не принуждал. Мои семейные связи тут совершенно ни при чем. Как сотрудник университета я обязан поддерживать любое решение, принятое деканом Альбрехтом. Вообще-то это полковник Баумгартен надавил на жюри, заставил их тебя выслушать и дать тебе второй шанс.

– Баумгартен? Но отчего он...

– По большей части из-за твоих родителей, а также из-за того, что ты здесь учишься по гранту Звёздной Лиги. – Михель улыбнулся. – Военные приглядывают за своими, даже если «свои» и не желают ими себя признавать.

И, как осознал Алек, Михель знал задолго ранее, что полковник вмешается, что также отвечало на старый вопрос, с чего вообще его друг полковника и притащил. Внутри его гордыня боролась с чувством приличия. Результат бы предсказуем.

– Спасибо, Михель. Я перед тобой в долгу.

– Я, так и есть, *вундеркинд*, – он подмигнул Алеку. – Но я приму плату жуткой скукой и безумными формальностями, если ты согласишься как-нибудь сегодня быть представленным мною моему брату.

– Только я сначала найду родителей, – предложил Алек. – Уверен, они почтут это за честь.

– Это потом, – вновь перебил его Михель, и положил руку ему на плечо. – Алек, никогда не заставляй девушку ждать, особенно явно нуждающуюся в спасении. – Развернув Алека кругом, он указал на Габриэлу и Элиаса Лувона, неподалеку от танцующих.

– Понял, – отозвался Алек, обмениваясь крепкими рукопожатиями с Михелем.

Элиас пытался подать Габриэле руку, держа её с величайшим неудобством вот уже некоторое время, а та холодно смотрела на него. Алек подошел как раз вовремя, чтобы услышать, как то просит её, уже не в первый раз, очевидно, о танце.

– Алек вполне может и постоять в уголку пару минут...

– Вряд ли, Элиас. – он встал рядом с Габриэлой, и её руки схватили его ладонь. Казалось, электрический заряд прошмыгнул через переплетенные их пальцы, вороша волоски под рукавом костюма.

– А не будешь ли ты столь любезен? – Элиас покосился в сторо-

ну, и Алек повернулся за ним следом. Некоторые из подпевал-кадетов Элиаса наблюдали за ними, стоя неподалеку, уже со своими парами, явно поджидая друга. – Просто чтобы доказать, что между нами ничего такого?

Это было почти смехотворно, учитывая, кто именно протягивал оливковую ветвь. Алек всё ещё не отошел от последней выходки Элиаса, ударившего исподволь через подлог и строгие университетские правила, но сумел смягчить горевший внутри гнев слоеной броней спокойной самооценки.

– Знаешь, что я скажу тебе? Меж нами нет ничего. Если у тебя проблемы со мной, это твои проблемы, не мои.

Элиас, похоже, вначале принял его слова за капитуляцию, поскольку вновь глупо задрал руку, и Алек чуть подал Габриэлу назад, сам подавшись вперед.

– И с Габриэлой твои проблемы также не имеют ничего общего. И раз уж я никогда не демонстрировал к тебе никакой неприязни, то не вижу причин теперь демонстрировать ее отсутствие. – Алек склонил голову. – Всего хорошего, Элиас.

Уводя Габриэлу прочь, он почувствовал, как та стиснула его руку.

– Спасибо, – шепнула она спустя некоторое время.

– Всегда пожалуйста.

Алек испытывал редкий прилив удовольствия. В то время как ему было безумно жаль профессора Клеппингера, он считал, что Элиас Лувон полностью заслужил все, что получил. Сильный человек, лидер, ведущий за собой, станет от такого сильнее, почерпнув опыт из преподаваемого урока. Алек надеялся, что Элиас именно таков.

Возможно, ему стоило подумать обо всем этом получше, и оставаться настороже, но проходя сквозь двери под руку с Габриэлой ему казалось, что все проблемы остались далеко позади. Морозный воздух обжигал горло на вдохе, и превращал в мелкие снежинки выдохи. Прославленные северные сияния Таркада мерцали и переливались в темных небесах, словно небесный прибой, разбивающийся о пляж черного песка и звездчатых бриллиантов. По всему дворику стояли парочки, поглощенные зрелищем. Некоторые же пересекали тщательно выметенную брусчатку, затем теряясь среди потрясающей коллекции ледяных скульптур или вообще направлялись в зимние сады.

Алек и Габриэла медленно обошли дворик, наслаждаясь ледяными статуями. Минули балерину с партнером, мужчину в униформе из льда и с саблей, склонившимся перед ледяной леди в изысканном платье с блистающими гранями бриллиантами на шее. Прошли хрустальных лебедей и лес скованных льдом сосен. На краю резко обрывающегося ледника гордо стоял лось с ветвящимися рогами, блистающими светом звезд.

Габриэла куталась в пиджак Алека, предоставлявший ей немного тепла в этих вечерних сумерках. По мере того, как парочка удалялась

от огней и музыки, они всё теснее прижимались друг к другу. Минув маленькую альпийскую деревушку, вытесанную в четверть натуральной величины, Алек обнял Габриэлу рукой, прижав ещё ближе.

Вскоре он обнаружили себя в маленьком патио, нависающем над небольшим лестничным пролетом, спускающимся в сады. Алек не был уверен, что именно заставило его остановиться здесь – нерешительность, с которой двигалась Габриэла? То, как она стиснула его руку? Какова бы не была эта причина, он замедлил шаг, и она повернулась, оказавшись лицом к лицу. Глаза её были большими и испуганными, а взгляд отчего-то теплым и манящим.

– Габриэла, я... – начал было он, но она заставила его замолчать, придав палец к его губам.

Что он мог ей сказать? Извиниться? Её неуверенная улыбка вторила его мыслям. Ни он ни она не знали, что будет дальше. Затем она подступила ближе, поднимая голову, а Алек поймал её ладони своими, бережно обхватив их.

И тут кто-то схватил его за плечи, резко дернув назад.

– Нет уж, теперь это твои проблемы, – шепнул ему в ухо Элиас Лувон.

Затем кадет с размаху ребром ладони рубанул Алека под затылок, посылая его оземь.

Шея горела от боли. Алек повалился вперед, а далее его ждал короткий полет кубарем по маленькому пролету из занесенных снегом ступенек. Позади него вскрикнула Габриэла, коротко, резко.

– Алек!

Элиас Лувон смеялся.

Подтащив к себе правую ногу, Алек сумел перекатиться на бок. Он потерял одну из туфель, но сумел ухватиться за каменный обелиск, обрамлявший одну из стен сада над ступеньками. Угол его стесал кожу на виске, содрав щеку словно рашпилем и врезался в ключицу, ушибив её. Алек резко выдохнул.

Грубые лапы схватили его вновь, по две на каждую его руку, рывком отрывая от обелиска. Двое кадетов, из лучших друзей Элиаса, те, что ждали его на танцполе, пока Элиас приглашал Габриэлу. Они развернули его кругом, лицом к Элиасу. Четвертый кадет удерживал Габриэлу сзади, ухватив её над локтями. Алек узнал и его тоже, по встрече у стола с закусками.

Большие карие глаза Габриэлы широко раскрылись, а от вечернего холода на обнаженных руках выступила «гусиная кожа». Она потеряла пиджак Алека, лежавший у её ног темной кучкой. Локон волос вырвался из прически и повис поверх лица.

– Алек?

С ним всё будет в порядке. Наверное. Он чувствовал слабую щеку крови, струящейся по лицу, капающей с челюсти. Ярко-красные капли растекались по правой стороне прилагавшейся к смокингу белой блузы, образуя пятно.

– С тобой всё, Алек. – Взгляд Элиаса был мрачен и холоден ничуть не меньше ледяных статуй, рассматриваемых Алеком с Габриэлой ранее. – Великодушным победителем на этот вечер тебе не быть. Всех нас достало твое снобское терранское высокомерие. Твое полное отсутствие уважения.

– И это также я не могу понять, – Алек прижал плечо к щеке, чтобы промокнуть кровь. – Я имею в виду, учитывая мое радушие и...

Элиас прыгнул вперед, с саблей болтающейся на боку, и впечатал колено Алеку прямо в живот. Воздух разом вырвался из его груди и Алек обмяк, опускаясь оземь. Вот только крепкие руки удержали его на коленях, подвесив над промерзшим двором. Второй удар был не так хорошо нацелен, но через пронзившую его боль Алек ощутил, как сломалось ребро. С трудом он глотал воздух, едва способный дышать.

– Подлизался к брату архонта, – Элиас протопал на старое место. – Оскорбил Нагельринг. Оскорбил Содружество. – Список прегрешений Алека, неважно действительных или мнимых, определенно обрекал Алека в его глазах. – Считаешь, что вообще стоишь её времени, – объявил он, уставившись на Габриэлу.

– Стоит моего времени? – слезы в глазах Габриэлы были вызваны скорее гневом, чем испугом. Он вырывалась из лап дружка Элиаса. Темноволосый кадет с опаской оглядывался, но продолжал держать её. – Да я в любой день предпочту Алека любому расфуфыренному мехманьяку вроде тебя, Элиас Лувон!

Оглянувшись через плечо, Элиас отрывисто кивнул двоице, державшей Алека. Один из них вытянул ногу пред Алеком, пытавшимся встать на ноги, а затем оба зверски пихнули его. Полетев вперед, Алек распластался поверх дерна, лишь едва-едва сумев затормозить падение выставленными руками, взбороздившими мерзлый гравий и снег. Левый бок свело в спазме, стоило концам сломанного ребра скрежетнуть друг по другу.

– Но он же такой неуклюжий... – насмешливо проныл Элиас. И сказал дружкам: – Помогите ему встать.

Они так и сделали, ногой по почкам и выкручивая руку назад, пока плечо не заполонила боль. Алек замычал, отказываясь кричать от боли. Сквозь стиснутые зубы он выдавил:

– Поверить... не могу... что это... на меня нашло...

Вера, это сила посредством которой мы живем, напомнил себе Алек. И весь он не умрет...

– Если он такой неуклюжий, – парировала Габриэла, чуть ли не крича, – такой нежеланный, отчего же твой командующий предложил ему место в Нагельринге?

В ослабевшей хватке дружков Элиаса он чувствовал колебания. Кадет, держащий Габриэлу, вообще был сбит с толку, сомнение явно читалось в его малахитовых глазах. Алек надсадно, мелкими глотками, пытался набрать в грудь побольше воздуха. Ледяной воздух обжигал гортань.

– Как, ты не говорил этого своим друзьям? – просипел он.

Элиас крутнулся к нему:

– Заткнись!

– И никакого вам резкого ответа?

Алек уже стоял сам по себе. Правая ступня вся заледенела, снег под нею растаял и пропитал носок, но он игнорировал колющие кожу иглы. Медленно, неглубоко дыша, чтобы не потревожить сломанное ребро, он осведомился:

– Или больших дебатов?

– Мне плевать, чтоб ты там ни говорил, терранец.

Алек согласно кивнул и процитировал:

– Ну, в конце концов, «ограниченный человек не ошибается никогда, но и не учится ничему».

– Очередной из твоихдохлых русских? – фыркнул Элиас.

– Не в этот раз, – отозвался Алек, про себя благодаря Михеля за фразу, – Трациал Штайнер, из ваших.

С помощью Габриэлы он достучался до одного из них. Темноволосый кадет, державший Габриэлу, отпустил её.

– Да ладно, Элиас, – сказал он, несколько нервно озираясь. – Кончай.

Элиас безмятежно на него глянул.

– Я тебе скажу, когда будет достаточно, Патрик. – Затем он медленно потянул саблю из ножен, высвободив её одним длинным текучим движением. – Здесь я это решаю.

Габриэла судорожно вдохнула, страх наконец достиг её глаз. Кадеты, державшие Алека, также подались в стороны. Похоже, на убийство они не подписывались. Но, похоже, и Элиас Лувон также. Никто не видел этого в его глазах. Отчаяние. Страх. Алек знал, что Элиас не воспользуется саблей. Да, он драчун, а временами и просто опасен, но настолько потерять над собою контроль он не способен. Он выделялся, и это было явственно видно. Элиас Лувон отчаянно нуждался в уважении другими, в признании его авторитета. Алек находил это печальным, и даже немножко жалким.

Он также уже устал быть его куклой для битвы, используемой для самоутверждения. Страхнув кадетов, стоявших прямо позади него, он поковылял к Элиасу.

– Элиас, ты не воспользуешься ею, – голос его был тверд и уверен.

Кадет тупо смотрел в пустоту. Он загнал себя в угол, и вполне осознавал это.

– Не тебе решать, что я и где буду делать.

Алек кивнул.

– Элиас, ты собираешься стать солдатом. Мехвоином. И ты не рискуешь потерять все это лишь для того, чтобы спасти лицо. Не перед свидетелями, – он кивнул в сторону Габриэлы.

– А кто ей поверит? – лицо кадета перекосила жестокая ухмылка. – Обезумевшая и в ярости, найденная четырьмя уважаемыми кадетами Нагельринга с непристойно задранном платьем, и терранцем, лапающим её. Может эти её «нет, нет» были вправду... а может и нет... Нам-то откуда было это знать, Алек? А? Откуда нам было знать?

Он был серьёзен. Причем тут сабля, Элиас, похоже, совсем о ней забыл, планируя новый раунд клеветы и скандала. Теперь он мог вернуть себе хоть немного достоинства, снова обрекая Алека в жертвы университетских сплетен и интриг. Ноги, высунутые в проход, швырнутые в него книги, толчки локтями на лестницах... всё это не прекратится никогда. «Инциденты», происходящие с ним, будут рассматриваться «заслуженными», а скандал снова замнут, не дав ему выйти за пределы кампуса, прежде чем что-либо отразится в официальных записях. А если попутно это и бесповоротно уничтожит репутацию Габриэлы Бэйли, то Элиасу-то что?

Но Алеку было не все равно. Более чем.

Синяки со временем выцветают. Кости срастаются. Но причинять боль невинному человеку только из-за того, что так уж вышло, что Алек ей нравится, казалось ему низким.

– Нет, – сказал он, замотав головой.

– О, да, – Элиас вскинул саблю, и концом хлопнул плашмя Алека по плечу, словно посвящая его в рыцари. – И знаешь, – доверительно шепнул он. – Чем громче она будет все отрицать, тем больше народу в это поверит.

– Нет!

Алек махнул левой рукой, отбивая саблю прочь с такой силой, что Элиаса метнуло вбок. Никто, особенно сам Элиас, не ожидали, что тихоня Алек ударит в ответ. Никогда. Алек мог бы воспользоваться замешательством и сбежать, схватить Габриэлу и скрыться, броситься назад через дворик, туда, где их будут видеть другие, тем самым становясь свидетелями.

Но вместо этого Алек перешагнул черту, столь долго им почитаемую многие годы. Черту, солидно укрепившуюся за восемнадцать месяцев, проведенных им на Таркаде.

Он схватил Элиаса Лувона за грудки, по пригоршне ткани в каждом кулаке, и с силой толкнул его. Элиас, спотыкаясь, попятился к ступеням, ведущим в зимние сады университета. Алек и сам запнулся, потеряв равновесие. Боль прострелила его левый бок, стоило ему впечататься коленями в ледяной дерн дворика. Искривленным навстречившимися

ся от боли слезами взором он смотрел, как Лувон опасно балансирует на краю, саблей пластая воздух, словно бы пытаясь в бою победить силу притяжения.

Затем Элиас упал.

Дыхание Алека стало рваным, перейдя на болезненные вдохи и затем выдохи мелкими облачками инея. Он почувствовал, как кто-то рухнул рядом с ним, делясь теплом рук, охвативших его плечи.

– О Алек...

Её слова эхом отзывались в его голове, но Алек не мог почерпнуть из них поддержки. Все терялось в сумятице мыслей, и мрачной, кровавой картинке.

Элиас Лувон, распростершийся поперек нижнего двора.

И обломок его сабли, проткнувший правую сторону его груди.

Квартира, снятая родителями Алека на время разбирательства, пахла кофе и пекущимся его матерью домашним черным хлебом. Обогревательная батарея вечно дребезжала по утрам, и горячей воды на всех не хватало, но всё равно это был дом.

Он дал ему возможность отдохнуть на выходных, побережь сломанное ребро и отбитую почку. Погрузившись в книги, он заучил три новых стихотворения Пушкина, а заодно ряд длинных пассажей из Дюма и Шекспира. Но ничто не могло выкинуть из его головы жуткий образ, как бы он ни старался.

На выходных он выковылял из своей комнаты лишь дважды. Во второй раз он встретился с Габриэлой Бэйли в дверях квартиры. Она нашла его через Михеля Штайнера, первого гостя у Алека со времени инцидента. Стоя в коридорчике, Габриэла, прикусив губу, пыталась сообразить, что же ей сказать после того, как она отклонила предложение пройти внутрь.

– Э-э... с тобою все в порядке?

Он кивнул.

– А с тобой?

Пожатие плечами.

– Габриэла, я не хотел...

– Знаю, – замотав головой, оборвала она его. Золотисто-каштановые волосы заплясали по плечам. Молчание становилось гнетущим. Она обхватила себе руками. Неловкость. Замкнутость.

– С Элиасом все будет в порядке, – наконец сказала она.

Михель уже сказал ему то же самое. Элиас лежал в палате экстенсивной терапии местного госпиталя и положение его было стабильным, после того, как доктора справились с внутренним кровотечением и наддули ему правое легкое. Ему предстояло пробыть там ещё несколько дней под наблюдением. Но на занятия он уже не вернется.

Габриэла, похоже, тоже это слышала.

– Похоже, ты победил.

Алеку так не казалось.

– Нет. Я проиграл.

Она уставилась на лежащий на полу коврик.

– Никак не могу выкинуть это из головы. Всё так быстро изменилось. – Она подняла на него взгляд, и в нем он увидел неуверенность.

– Мне так хотелось, чтобы всё было иначе.

– Обстоятельства и случайности зачастую плетут заговоры против нами желаемого.

Она выдавила из себя слабую улыбку.

– А это кто сказал?

– Я.

Алек не улыбнулся. Он едва не убил Элиаса Лувона. Случайно там или нет, бремя было тяжело.

– Габриэла, я...

– Алек, я просто хотела тебя увидеть. Сказать тебе, как бы мне хотелось, чтобы все было иначе. Все было так хорошо, я хотела... хотела... но теперь...

– Знаю, – отозвался он, ощущая жуткую усталость. – Я тоже.

– Спасибо, – она шагнула ближе, хотя её руки по-прежнему преграждали путь, и наклонилась. Дыхание было теплым и мягким, а глаза печальными, когда краешек губ мазнул по его щеке.

Первый его поцелуй от Габриэлы Бэйли.

Прощальный.

Большую часть дня Алек ныне проводил замкнувшись в своего рода «пузыре» изоляции. По большей части, по его же вине. Кадеты Нагельринга притворялись изо всех сил, что него просто не существует, кроме одного, специально явившегося в крыло политологии принести формальные извинения Габриэле, а затем и Алеку. Прочие студенты также пробормотали скомканные извинения касательно предыдущих своих выходов, или же просто подкатывались, желая вынюхать побольше смачных деталей касательно событий того вечера, полагая, что Алек не прочь будет посплетничать. Они игнорировал и тех и других.

Ужины по-прежнему проходили с Михелем Штайнером, и именно через него Алек передел просьбу о встрече полковнику Баумгартену. Михель с непередаваемым тактом воздержался от комментариев на этот счет, хотя и пригласил себя сам на последовавшую далее встречу, заявившись за компанию с полковником и бутылкой доброго лиранского вина в дар родителям Алека.

Мать сыграла роль хозяйки дома, рассадив всех в небольшой гости-

ной, и передав теплый хлеб, подслащенный медом, предоставив отцу разливать вино. Затем тот встал за стулом сына, опершись о спинку, обеспечивая поддержку, но безмолвствуя.

Первым делом Алек спросил о состоянии Элиаса Лувона.

– Выздоровливает, – отозвался Баумгартен. Он по-прежнему больше походил на бухгалтера, чем на воина, и словно зачитывая список, продолжил. – Согласно прогнозам врачей, оправится полностью. Весьма уклончив в описании событий того вечера. Отказывается встречаться с кем-либо из студентов или кадетов. Исключен из Нагельринга.

– Исключен? – Алек дважды моргнул. После всех этих умалчиваний, замятых дел и прекращенных расследований, такого он никак не ожидал. Вообще-то, даже и не хотел.

Баумгартен наклонился вперед.

– Алек, мы в Нагельринге поведению кадетов уделяем особое внимание. Незначительные инциденты и мелкие отклонения мы можем и упустить, но регулярное злоупотребление силой? – он покачал головой. – Мне казалось, ты лучшего о нас мнения.

Алек откусил кусочек тяжелого ломтя, позволил меду стечь на язык, прежде чем сглотнуть.

– Я весьма высокого мнения о Нагельринге и силах обороны Звёздной Лиги, полковник. Но кто... – он беспомощно глянул на Михеля Штайнера.

Михель безмятежно улыбнулся, вполне довольный собой.

– Я не говорил ему ни слова, Алек, пока полковник напрямую меня не спросил. На тот момент он уже сам все знал. Похоже, один из кадетов с того вечера во всем сознался.

Темноволосый, что тогда держал Габриэлу. Тот, кто потом приходил извиняться. Он всё же спросил, и Баумгартен кивнул.

– Патрик Уорд. Я. По данным им показаниям, кадетский совет чести исключил попутно и остальных двоих, пытавшихся обманом выкрутиться из своего положения. Патрик оставлен на испытательном сроке.

Полковник отставил в сторону так и не тронутое им вино.

– Но прийти меня ты попросил не из-за тонкостей протокола Нагельринга, ведь так?

– В принципе, да. Полковник... – Алек встал, глянул на мать, на отца, одобрительно ему улыбавшихся, поощряя его. Извинившись, они удалились из комнаты, оставив его наедине с этими двумя. – Мне хотелось бы принять предложение поступить в Нагельринг, сделанное вам ранее.

Баумгартен был ничуть не удивлен.

– Лорд Штайнер предположил, что именно об этом ты и попросишь, – признал он. – Должен сказать, мне показалось это маловероятным. Мне казалось, что ты у нас сражаешься словами. «Образование это

оружие», так ты сказал?

И это, и даже большее. Алек опустил глаза.

– Полковник, есть одна небольшая тонкость между верой в что-то и жизнью по этим принципам. Эта тонкость едва не стоила жизни. Когда от этого зависело столь многое – я провалился.

Михель покачал головой.

– Алек, ты защищался. Не вини одного себя в произошедшем.

– Раз уж я принялся защищать себя силой, я должен выучиться делать это правильно.

Именно это Алек осознал в ходе своей изоляции, то, что он месяцами платил Элиасу Лувону тем же, сам того не осознавая. Все эти реплики, лицемерие относительно применения силы, а затем, обуреваемый гневом и неудовлетворенностью своим положением, он сорвался, перестав сдерживаться. Даже не подумав или приняв обдуманное решение.

Это напугало Алека больше всего остального.

Даже если он весь не умрет, душа тут точно ни при чем, и гордиться нечем.

Он попытался объяснить все это полковнику Баумгартену, в ответ лишь кивавшему, словно понимая что-то.

– Но ты все-таки подумай, Алек. Не торопись, время у тебя есть.

– Полковник, я покалечил Элиаса Лувона не думая перед этим. И я принял свое решение, если Нагельринг всё ещё хочет меня себе...

Баумгартен встал и прошелся по комнате, обдумывая предложение. И затем встал точно напротив Алека.

– Согласно правилам, я не могу тебе отказать, – признал он, хотя по виду полковника, ему очень этого хотелось, – но я посмотрел её имя.

– Кого? – спросил Алек, хотя и знал ответ.

– Охранника. Тани, той, кто ранила Леонарда Куриту.

Алек вздохнул:

– Я так и знал, что вы выясните. И очевидно, я знаю всю историю целиком. Курита выхватил нож из-под полы и убил ее на месте, прежде чем сбежать. Её семья получила титул «защитников первого лорда» и право поступать в любую академию или университет по выбору.

Баумгартен развел руками:

– Теперь ты видишь стоящую передо мной дилемму.

– Полковник, если вы хотите мне сказать наедине, что я не гожусь для Нагельринга, или что Звёздной Лиге не будет от меня толку, я приму это. И не стану настаивать, как бы ни желал этого.

– Но почему, Алек? – насел на него полковник. – Почему это для тебя так важно? Как политик или историк ты мог бы принести больше пользы. Изменить что-нибудь...

Михель хохотнул:

– О, полковник. «Каждый хочет изменить мир...»

Коль уж Михель Штайнер познал Толстого, то усилия Алека не пош-

ли прахом, в конце-то концов

– «...но не каждый хочет начать с себя», – закончил он цитату.

Баумгартен медленно кивнул, переваривая сказанное, так и не отводя взгляда от Алека. Потянувшись к планшету, свисающему с пояса, он включил его и вывел на него файл. Затем показал его Алеку. Янтарные буквы на темном фоне.

Стандартный контракт, зачисляющий Алека в силы обороны Звёздной Лиги по завершении обучения в военной академии Нагельринг. Всё было готово, включая идентификационный номер, и полное имя, ожидая лишь отпечатка пальца, заверяющего соглашение. Потянувшись, Алек коснулся пальцем подушечки, позволив небольшому устройству провести скан отпечатка и анализ ДНК, превращая бланк в нерасторжимый заверенный документ.

Затем Алек пронаблюдал, как Баумгартен заверил документ своим отпечатком, а Михель, как свидетель, своим. Вот так вот просто. Алек не ждал ни фанфар, ни красочной церемонии. Не было ничего такого. Просто обязательство, только что принятое им, легло на него, во всей его значимости.

– Мой прах переживет... – прошептал Алек, погребенный под его весом.

Полковник Баумгартен первым протянул ему руку.

– Добро пожаловать в Нагельринг... – объявил он, – ...Александр Керенский.

КОНЕЦ... (Пока)

*Так был сделан первый шаг на военной службе
первого из лиранских светских генералов БТ.*

Перевод посвящается самому догадливому (или быстрому в ответе) из читателей форума www.cbtbooks.ru – Scorpion Dog

БЭТТЛКОРПС